

ПО СТРАНИЦАМ КАЗАХСТАНСКОЙ ПУШКИНИАНЫ

(Е. Гусляров «Суеверный Пушкин»)

«Не хотелось бы зваться пушкинистом. Хотя я и в самом деле подозреваю, что всякий русский, рано или поздно, в какой-то степени им становится. Любопытно было бы проследить – почему?» – так необычно начинает свой очерк, открывающий книгу «Суеверный Пушкин» Е. Гусляров. [Гусляров, 1994: 4]. Пушкин для автора очерка – тип русского человека и тип русского характера. Законченность его характера в том, что он вобрал в себя все противоречия и загадки того, что во всем мире величают натурой русского. По мнению Е. Гуслярова, энциклопедия русского суеверия «почти вся вместила в языческой душе Пушкина», и книга, «в какой-то степени, реконструкция этой души» [Гусляров, 1994: 6]. Заметки о русском суеверии без Пушкина невозможны: «В языческой натуре Пушкина таилось, может быть, самое обширное и достоверное собрание таинственных, грозных и забавных следов древней жизни славянской души... Если перелистать жизнь Пушкина с определенной заданностью, то окажется, что суеверие играло в ней необычайно важную роль и в значительной степени определило само ее течение. Во многих случаях именно оно влияло на повороты его судьбы и, не будь Пушкин «язычником», его жизнь могла бы сложиться совсем иначе» [Гусляров, 1994: 5].

В очерках Е. Гуслярова много примеров из жизни поэта, зафиксированных в беседах с друзьями, в дневниковых записях, в рассказах лиц его окружения о случайных (или закономерных) совпадениях. А. Вульф вспоминал о ворожее, которая «внимательно и долго» рассматривала ладонь поэта «и, наконец, объявила, что владелица этой ладони умрет насильственной смертью, его убьет из-за женщины белокурой молодой мужчина... Взглянув затем на ладонь капитана – ворожее с ужасом объявила, что офицер также погибнет насильственной смертью, но погибнет гораздо ранее против его приятеля: быть может, на днях... Молодые люди вышли смущенные... На другой день Пушкин узнал, что капитан убит утром в казармах одним солдатом» [Гусляров, 1994: 11].

Е. Гусляров разделяет доказательства известного казахстанского пушкиниста Н. Раевского о том, что Пушкин почти всю жизнь хотел и пытался стать военным. Но вряд ли стоит соглашаться со следующим высказыванием Е. Гуслярова: «Нам теперь известен в подробностях внутренний мир Пушкина, неоднократно описано и изображено его лицо, чуть ли не по секундам восстановлены все внешние проявления его жизни. Нам остались мелочи» [Гусляров, 1994: 23]. Думается, что нет. Внутренний мир Пушкина не был известен «в подробностях» даже его друзьям, только

самые близкие могли догадываться, что происходило в душе поэта на самом деле.

Вставные истории (о генерале Ермолове; перстне с сердоликом; странной эпидемии недалеко от российской столицы; предчувствии Рыльева; о строительстве Михайловского инженерного замка) Е. Гусяров озаглавил как рассказы о необычайном. Пушкин у автора очерка ассоциируется со скульптурой, «которую надо рассматривать под разными углами зрения и запоминать линию любого ее поворота, потому что в каждой линии скрыта неожиданность, доказывающая, что перед вами именно великое произведение. Так пушкинское суеверие показывает нам эту натуру с иной стороны и только довершает полноту и законченность его гениальной сути» [Гусяров, 1994: 35].

В русскую словесную культуру навечно вошли строки и стихотворения А.С. Пушкина, навеянные его суеверными знаниями. Даже больше – «лучшие его произведения задуманы так, что стержнем их является какая-нибудь значительная деталь русского суеверия» [Гусяров, 1994: 36]. Е. Гусяров приводит целый перечень произведений русского поэта: «Предсказания волхвов в «Песне о Вещем Олеге», полный чудовищных подробностей сон Татьяны в «Онегине», пророческий сон Петруши в «Капитанской дочке», опять же сон Германна в «Пиковой даме», и еще один сон – Григория в «Борисе Годунове». Пушкина можно было бы винить в однообразии приемов, если бы не великолепная поэтическая изобретательность, проявленная им в каждом отдельном случае...» [Гусяров, 1994: 36]. Сны у Пушкина подсказывают некие символы, которые обязательно наводят нас на более или менее верные догадки о содержании и дальнейшем течении действительной или художнически воссозданной жизни.

В «Пиковой даме» сплошь рассыпаны суеверия. В 1829 г. в России гастролировали представители знаменитой династии иллюзионистов Германнов, самый потрясающий номер у Самуила Германна был следующий: «На сцене появлялась колода карт, увеличенная в размер человеческого роста. Одна из карт (пиковая дама) на глазах у зрителей оживала, «выходила из карты», подмигивала почтенной публике и делала реверанс» [Гусяров, 1994: 119]. У Пушкина: «В эту минуту ему (Германну. – С.А.) показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его... «Старуха!» – закричал он в ужасе».

Когда графиня называет три счастливые карты (тройка, семерка, туз), «Пушкину (как считает Е. Гусяров) важно было подчеркнуть, что все эти карты вместе составляют число 21». Это и день весеннего равноденствия, и благословенный двадцать первый день каждого месяца, посвященный деве Марии, в календарях египетских первохристиан – коптов.

Е. Гусяров в книге «Суеверный Пушкин» затрагивает еще один очень интересный вопрос: обладал ли Пушкин положенным ему, как поэту милостью Божией, колдовским даром в его натуральном значении. И

приводит в доказательство беседу поэта с Александрой Андреевной Фукс, у которой он останавливался 7 сентября 1833 г., едуци в Оренбург по казанской дороге: «...я уверяю вас, по чести, я был очевидцем, если не участником (обратите внимание на это слово. – Е.Г.) таких примеров, что женщина, любивши самую страстную любовью, при такой же взаимной любви, останется неприступною. Но бывали случаи, что эта же самая женщина, вовсе не любивши, как бы невольно, со страхом, исполняет все желания мужчины... Даже до самоотвержения. Вот это и есть сила магнетизма» [Гусларов, 1994: 59]. О том, что сам Пушкин обладал такой силой – свидетельство Ф.Ф. Вигеля: «Как не верить силе магнетизма, когда видишь действие одного человека на другого. Разговор Пушкина, как бы электрическим пружиком касаясь моей ... главы, внезапно породил в ней тысячу мыслей, живых, веселых, молодых...»

Е. Гусларов восхищен работой духа поэта, его приключениями, захватывающими и острыми, усиленной работой мозга: «Пушкин, отдаваясь вдохновению, никогда не полагался только на мощь своего воображения. Он всегда хотел знать и знал, если дело касалось истории, как и что было на самом деле. Это можно назвать творческой честностью... Самое поразительное в каждой строчке Пушкина – это строжайшее соответствие того, что он воображал, былой истине» [Гусларов, 1994: 124].

К сожалению, мы никогда не узнаем, что стоит за каждым многоточием в пушкинских дневниках и памятных заметках. По этому поводу находим следующие строки в книге В. Непомнящего: «Вообще-то у Пушкина много «незаконченного»... Это даже целый жанр у него: незаконченность как выражение необъятности, или невыразимости, или бесконечности того, что должно бы быть сказано» [Непомнящий, 2008: 9]. 26 января 1834 г. поэт записывает в своем дневнике: «Барон д' Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет». «На другой же день, только через три года, состоится роковая дуэль между Дантесом и Пушкиным. Что заставило его вписать это имя в дневник? Что он чувствовал при этом?», – задается вопросом Е. Гусларов [Гусларов, 1994: 146]. В. Непомнящий по подобному поводу философски заключает: «Нет смысла ломать голову, барахтаясь в море вероятностей и испытывая время от времени соблазн анекдотической (хотя вчуже и понятной по-своему) попытки доделать то, чего не мог сделать Пушкин; лучше попытаться понять, что же ему удалось» [Непомнящий, 2008: 197].

Документальная композиция Е. Гусларова «И жизнь, и слезы, и любовь...». Жизнеописание Анны Керн – «реконструкция души» (Н. Раевский). Мимолетная встреча имела для поэта «выдающееся значение» и «явилась милосердным подарком судьбы, украсившим и облегчившим время изгнания и тягостных раздумий, с ним связанных», – пишет в Предисловии Н. Раевский [Гусларов, 1994: 150]. Автор идет своеобразным путем, предлагая читателю самому поразмыслить над огромным количеством собранных им фактов, искусно сгруппированных, но в «большинстве случаев не высказывает своих суждений и выводов».

Читатель вслед за автором «с удовлетворением почувствует, что и сам будто становится в некотором роде соавтором воссоздаваемого здесь образа Анны Керн» [Гусяров, 1994: 151].

Есть еще одна особенность сугубо документального повествования Е. Гусярова: короткий пушкинский период жизни Анны Керн, «несмотря на всю значительность и драматизм, не заслоняет все же собой этапы ее сложной, многотрудной и в общем интересной жизни». Личность незаурядная, многосторонняя и содержательная, она «сумела возбудить в гении великое чувство». Она глубоко понимала поэта и умела ценить его духовную сущность. Интересную мысль формулирует Н. Раевский: «Анна Керн осталась бы и была заметным человеком и в том случае, если бы пути гениального поэта и ее не пересеклись, чего, на мой взгляд, нельзя сказать о Наталье Николаевне Гончаровой».

Встречаются в документальной повести Е. Гусярова редкие комментарии. В одном из них он пишет о том, что Пушкин-гений подарил А.П. Керн бессмертие, с такой же легкостью и изяществом, как дарят гвоздику. Благословенна великая случайность, не давшая этим людям пройти мимо друг друга... Есть великая история двух сердец, продолжавшаяся мгновение, но по прекрасной логике жизни мгновение это обернулось вечностью» [Гусяров, 1994: 214-215]. К сожалению, не сохранились письма Анны Петровны к Пушкину. «В истории литературы им без сомнения должно бы принадлежать выдающееся место... Эти письма могли бы объяснить особого рода духовный подвиг женщины, которой под силу воодушевить мужчину на неповторимо высокие слова... В дневниках, которые Анна Петровна написала много лет спустя, осталось немало теплоты, почти первоначальной остроты чувства. Они хороши и тем, что позволяют судить о той атмосфере, которой были подготовлены и в которой рождались великие стихи о любви...», – редкий комментарий Е. Гусярова.

Обращает свой взор исследователя Е. Гусяров и на отношения Пушкина, Натальи Николаевны и Дантеса. Отношение к убийце поэта проскальзывает уже в эпитетах: *тот самый* Дантес. «Несмотря на многословные попытки последних лет доказать, как мне кажется, недоказуемое, женитьба Пушкина, которую он считал первым шагом к счастью, по-прежнему остается очередным его шагом к трагедии. Роль Натальи Николаевны в этой трагедии тоже остается неизменной, меняются только оттенки» [Гусяров, 1994: 249].

Е. Гусяров воспроизводит в своей книге одну из последних бесед с известным пушкинистом Н.А. Раевским, своим соседом: «Маленький девяностопятилетний старец, сохранивший великолепную ясность ума, цитировал наизусть утраченную рукопись, которую он написал когда-то, пользуясь лучшей за границей пражской пушкинианой. Ее каталог представлял собою в давние довоенные годы громадный двойной ящик – ни в Париже, ни в Лондоне, ни в других столицах, где побывал Раевский, не было ничего подобного этому собранию». Достаточно вчитаться в письма самого Пушкина, чтобы многое открылось в облике его жены...

Н.А. Раевский называет такие качества Н. Гончаровой как искренность, правдивость, радостная нежность, покладистый безобидный характер. «Но несчастье этого брака было в том, что гения своего мужа Наталья Николаевна не чувствовала, не ценила, не понимала. Поэт Пушкин был ей совершенно не по плечу, а просто Александр Сергеевич был, надо сказать правду, ох как виноват перед своею юной женой... Вывод напрашивается сам собой, и он не нов – не следовало Пушкину вообще жениться, и, во всяком случае, не следовало жениться на Наталье Гончаровой...» [Гусяров, 1994: 251].

Николай Алексеевич Раевский советует своему собеседнику почитать письма Дантеса, чтобы разобраться в том, что же происходило на самом деле. Письма были опубликованы в книге Анри Труайя. Одно из них датировано 14 февраля 1836 годом. Отношение к этому письмо было диаметрально противоположным: от внимательного чтения до полного неприятия. Некоторое время и сам Е. Гусяров склонялся к тому, что письмо – «поддельное», оно «вовсе не о Натали». Вот это письмо: «Дорогой друг, вот и масленица прошла, а с ней и часть моих мучений; в самом деле, кажется, я стал немного и спокойнее с тех пор, как не вижу ее каждый день; и потом всякий не может больше брать ее за руку, за талию, танцевать и говорить с нею, как это делаю я, и спокойнее, чем я, потому что у них совесть чище. Глупо, но оказывается, чему бы я никогда не поверил, что эта ревность приводила меня в такое раздраженное состояние и делала меня несчастным. И потом, когда я ее видел в последний раз, у нас было объяснение. Оно было ужасно, но облегчило меня. Эта женщина, у которой обычно предполагают мало ума, не знаю, дает ли его любовь, но невозможно внести больше такта, прелести и ума, чем она вложила в этот разговор, а его было очень трудно поддерживать, потому что речь шла об отказе человеку, любимому и обожающему, нарушить ради него свой долг; она описала мне свое положение с такой непосредственностью, так просто просила у меня прощения, что я в самом деле был побежден и не нашел ни слова, чтоб ей ответить. Если бы ты знал, как она меня утешала, потому что видела, что я задыхаюсь и что мое положение ужасно; а когда она сказала мне: я люблю вас так, как никогда не любила, но не просите у меня никогда большего, чем мое сердце, потому что все остальное мне не принадлежит, и я не могу быть счастливой иначе, чем уважая свой долг, пожалейте меня и любите меня всегда так, как вы любите сейчас, моя любовь будет вам наградой...»

В письме Дантеса обращает на себя внимание «страшная подробность» (именно такой эпитет подбирает Е. Гусяров. – С.А.), ее трудно было бы придумать «досужнему сочинителю пасквилей... Страшит эта деталь и тем, что по ней легко «вычислить», могла ли именно Наталья Николаевна быть той неизвестной женщиной, о которой идет речь. Достаточно узнать, была ли у нее в то время причина отказывать себе в удовольствии блистать на балах» [Гусяров, 1994: 253]. Е. Гусяров «с понятной настороженностью и неохотой вникал ... в подробности биографии первой петербургской красавицы». В конце мая 1836 года у

Натальи Николаевны родилась дочь, названную в честь бабушки и матери Натальей.

Автор исследования «Тот самый Дантес» отдает себе отчет в том, что биография Дантеса, составленная по просьбе выдающегося пушкиниста Павла Елисеевича Щеголева внуком Дантеса Луи Метманом, «сделана столь по-родственному, что не остается сомнений – мы имеем дело с блистательным образцом беспардонной лакировки». И тогда казахстанский исследователь задается вопросом: «А если попробовать снять лак позднейших наслоений с этого прилизанного портрета, как это делают реставраторы? Хотя бы в некоторых местах картины, утратившей первоначальную свежесть. Каким предстанет подлинник?» [Гусяров, 1994: 254].

Роковая слава Дантеса началась после дуэли, когда он «из двадцатипятилетнего салонного шалопаю ... вырос до колоссальной степени кровного обидчика России». Автор очерка восстанавливает жизненный путь Дантеса, насколько ему это удалось – вопрос другой. Завершается очерк записью из дневника А.В. Никитенко (20 июня 1876 г.). Дантесу идет шестьдесят пятый год. Политическая карьера завершена, личная жизнь неудачна, старшая дочь, серьезно увлекавшаяся русской литературой и «в глаза назвавшая отца подlicoм, посмевающим поднять руку на Пушкина», определена в сумасшедший дом. «Он изобретательно наказан за прошлое самой судьбой... И еще он верит в то, что убийство было предопределено его счастливой звездой» [Гусяров, 1994: 261].

Трудно определить жанр книги Е. Гусярова, представляющей собой, по авторитетному мнению Н. Раевского, «цепь документов и свидетельств современников, выстроенных в определенной последовательности, почти без комментариев. Это позволяет с исключительной точностью восстановить дух эпохи, всесторонне и столь же точно воспроизвести реальные взаимоотношения, облик и подлинную жизнь многих людей, которые оставили яркий след в истории отечественной культуры» [Гусяров, 1994: 152].

Библиографический список

1. Гусяров, Е. Суеверный Пушкин, заметки о древностях русского духа / Е. Гусяров // Гусяров, Е. Суеверный Пушкин – А.: Жалын, 1994. – С.4-148.
2. Непомнящий В. Муза, страсть и политика. Из жизни Пушкина / В.Непомнящий. – М.: Феория, 2008. – 216 с.
3. Гусяров, Е. «И жизнь, и слезы, и любовь...». Жизнеописание Анны Керн / Е. Гусяров // Гусяров Е. Суеверный Пушкин – А.: Жалын, 1994. – С.149-236.
4. Гусяров, Е. Из жизни пилатов. Подробности былого / Е. Гусяров // Гусяров Е. Суеверный Пушкин – А.: Жалын, 1994. – С.237-334.